

Брат и сестра.

— Кай? — Рукоять меча как будто сама собой возникает в моей руке

— Ну да. Я это. Я.

— Так что же ты молчала все это время?

— "Все это время" — это что-то около минуты.

— Как это?

— Ты с такой силой швырнул в профессора последнее воспоминание, что оно досталось и мне. И оказалось ключом к моей памяти.

— Странно, а ехидничала так, как будто знала об этом все шестьсот лет.

— Прости, братик, но вспомнить собственную смерть — событие неординарное. Вот и заносит меня.

— Это ты прости, сестренка...

— Да, кстати, объясни мне, чего ты так злишься каждый год? Вроде все, виновные в моей гибели уже встретились с Лодочником?

— Не все. — Клинок лежит у меня на коленях, и я ласкающим движением провожу рукой по лезвию.

— И кто это сподобился пережить Ночь Черного Пламени?

— Я.

— Не понимаю.

— Это защищая меня ты пошла против Главы Дома. Это я должен был разобраться в том, что сказал Меняющий пути устами своего аватара. Это я должен был вытащить тебя... Сестра, я предал тебя. И не могу даже просить прощения. Потому, что такое — не прощают...

— Дурачок. Такое — действительно не прощают. Потому что тут нечего прощать. Архитектор судеб развешивал куда худшую правду на ухах демонов, древних, как сама грязь. И ничего — кушали, не давились, еще и добавки просили. По сравнению с ними ты и сейчас — в лучшем случае — подросток, чуть старше Миа. А уж тогда — и вовсе был младенец. И требовать от себя способности с ходу разобраться в извилах мысли того, кого не зря зовут Интриганом... Ты хочешь слишком много.

— Скайли...

— Зови уж меня Кай. В конце концов, Скайлой я была всего четырнадцать лет, а Кайгерн Скрытной — ... немного больше. — Последняя фраза сопровождается ощущением необидной насмешки.

— Кай...

— В конце концов, это было мое решение. Я же Оракул. Я знала, что мне грозит, и, как видишь

— даже подготовила себе путь отступления.

— Так значит ты...

— Я напророчила себе, что обязательно окажусь рядом с тобой. Как видишь, пророчество исполнилось.

— Хм... до этого мне казалось, что Боги Хаоса неодобрительно относятся к пророчествам... кроме тех, которые изрекают сами.

— Во-первых, мое пророчество удачно наложилось на обещание Познающего. А во-вторых, я сформулировала его в виде проклятья. А уж проследить за исполнением проклятья для любого из Темной четверки...

— Кай, ты — гений!

— Вот так уже лучше. А теперь Расскажи-ка ты мне: как пал наш Дом?

— Что там рассказывать... Как ты напророчила, так и пал.

— Подробнее. А то с мечом ты на эти темы почему-то не откровенничал.

— Когда я прикончил братца Мэтью, то понял, что исполнять Проклятье Отсеченной ветви придется мне: больше просто некому.

— И ты кинулся в лоб, крушить все вдребезги и пополам?

— Если бы я сделал такую глупость — мы с тобой могли и не встретиться.

— Не могли. Два моих проклятья должны были надежно защитить тебя. Тем более, что последнее было предсмертным.

— ... Спасибо, Кай!

— Не за что. Ты продолжай, продолжай.

— Хорошо, продолжаю. Я не стал торопиться. Какое-то время я работал, изображая из себя скорее Руку злой судьбы, чем Карающий меч: собирал и сливал информацию, перехватывал гонцов, устраивал рукотворные случайности, копил силы и деньги. В конце концов — стал известным кондотьером. Своего рода Семнадцатилетний капитан. Сейчас-то я понимаю, что сработал я тогда грубо и прямо. Что получилось у меня все скорее благодаря помощи Господина перемен, чем благодаря моим собственным скромным талантам.

— Скромным талантам. Ну-ну. Скромность паче гордыни. Но ты продолжай.

— В общем, дела Дома шли все хуже и хуже.

— Это понятно. С таким-то "благожелательным вниманием".

— Младшие Дома потихоньку отпадали, пытаюсь найти защиту и покровительство у других Домов.

— И как, получалось?

— А то! Они же уже не принадлежали к нашему Дому, и у меня не было повода их преследовать. Более того — я им иногда помогал, и вести об их благополучии только подстегивали процесс.

— Хм... Неплохо.

— А когда Дому стало уже совсем плохо, отряд Мантикоры предложил свои услуги Фиолетовой хризантеме.

— Странно. Я не могу вспомнить, как назывался наш Дом...

— Видимо, над твоим телом все-таки провели малый обряд Отречения. И хорошо еще, что не полный ритуал — а то и имя твое не смогли вспомнить.

— Так вот... я не могу вспомнить название нашего Дома... Но помню, что Дом Фиолетовой хризантемы — наши враги.

— Были.

— Что?

— Они были нашими врагами.

— А что же с ними стало?

— Слушай дальше. Отряды Фиолетовой хризантемы осадили главную, а к тому времени — и единственную резиденцию нашего Дома. У Главы Дома еще оставалось кое-какое влияние, поэтому они не слишком боялись: стены дома были крепки, а оставшиеся союзники — спешили на помощь. Но первыми до резиденции добрались Мантикоры. В ту ночь я в первый раз принял демоническую форму, и выбил ворота Пламенем Хаоса. Я до сих пор удивляюсь, но мои люди последовали даже за демоном. Когда же я вновь появился в проломе — в замке оставались в живых только женщины и дети младше четырнадцати лет. Хризантемы требовали прикончить и их, но я выторговал их жизни себе. А после Ночи Черного пламени никто не решился оспорить договор. Кажется, они решили, что я собираюсь зверски замучить всех пленных... или принесу их в жертву своему покровителю.

— А на самом деле?

— Отдал их встреченному отряду Дома Серебряной розы, с условием, что их всех примут в Дом по полному ритуалу.

— Ну ты прямо Ангел Милосердия. Даже полный ритуал потребовал.

— После полного ритуала никто из них уже не мог претендовать на имя нашего Дома. Вот так он и прекратил свое существование.

— Вот, уже узнаю братика. А то какой-то слишком добренький получался.

— Это еще не все. Узнав от неофитов о том, что именно случилось в Ночь Черного пламени, Серебряная роза обвинила Фиолетовую хризантему в демонопочитании и отступничестве. Те кинулись искать отряд Мантикоры, чтобы доказать свою невиновность. Фиг они нашли, а не моих людей: я к тому моменту уже увел их из нашего мира. Так что Дом Фиолетовой хризантемы был стерт объединенным Светлым воинством.

— А дальше?

— Узнав о том, что Великий дом был уничтожен всего лишь одним демоном, остальные Великие дома, в величайшей тайне, но регулярно стали обращаться к Повелителю Всего-и-Ничего, и влияние Архитектора судеб сильно увеличилось.

— Красиво.

— А вот дальше... Я даже не знаю, стоит ли тебе рассказывать...

— Говори.

— В общем, помнишь того певца, которого мы как-то вместе слушали?

— Того русского?

— Да. Так вот... когда я слушал одну его песню... Он как все видел.

— Что за песня? У него много хороших.

— Когда из чрева лошади на Трою

Спустилась Смерть, как и положено — крылата

Над избиваемой безумною толпою

Кто-то крикнул — это ведьма виновата.

— Даже так?

— Именно так. Теперь ты — Скайла Горевестница, Проклятый Оракул. Оказывается, ты позавидовала своему брату, который наследовал власть, и прокляла свой Дом, призвав могущественного демона из Хаоса. Демон разрушил Дом, и ты уже торжествовала победу, когда раненый и умирающий Глава Дома сумел убить твое тело, чтобы спасти твою душу. А дальше идут многосложные рассуждения о том, как следует воспитывать Оракулов, чтобы эта история не повторялась.

— Хм... А что... Вполне себе легенда. Ничем не хуже многих других.

— Я боялся, что ты это хуже воспримешь.

— Я ничего не могу изменить. Так что и переживать по этому поводу — не собираюсь. Ты-то как?

— Лучше. Знаешь, наверное стоило давно это тебе рассказать.

— Ты не знал. И я — не знала. А теперь — иди спать.

— И правда. Я же выполнил указание профессора и полностью успокоился... А пузыречек, пожалуй, припрячу — вещь хорошая, глядишь — пригодиться.

— СПАТЬ. Немедленно.

— Иду, иду.

<http://tl.rulate.ru/book/69513/1849569>